

E. H. Lenneberg. Biological foundations of language. — New York — London — Sydney, 1967. XVI+489 стр.

Профессор Мичиганского университета Э. Леннеберг известен как автор многочисленных статей, разнообразных по своему содержанию, но тематически связанных стремлением использовать психологические знания и методы для изучения вопросов языка и речи. Свои выводы и заключения Э. Леннеберг, как правило, обосновывает солидными экспериментальными данными, применяя экспериментальный путь исследования даже тех проблем, которые «традиционно» решаются умозрительным путем, — например, при рассмотрении проблемы влияния структуры языка на нормы мышления и поведения (так называемая теория «лингвистической относительности», наиболее полно сформулированная в гипотезе Сепира — Уорфа). Научное творчество Э. Леннеберга характеризуется также попытками уклониться от проторенных дорог в исследовании, и это его качество находит свое выражение в почти программном наименовании книги, вышедшей под его редакцией — «Новые направления в изучении языка»¹ (1964). Рецензируемая монография Э. Леннеберга посвящена исследованию биологической базы языковой способности человека.

В предисловии к книге (стр. VII—IX) Э. Леннеберг со всей категоричностью отмечает, что он мыслит ее не как учебник или обзорную работу, а как теоретическое исследование. Таким образом, с самого начала достаточно недвусмысленно подчеркивается оригинальный характер книги, хотя автор и оговаривается, что содержание ее «скорее следует понимать как дискуссию, нежели как изложение биологических основ языка». Впрочем, в заключительной главе в суммарном виде все же представлена точка зрения, которая «когда-нибудь в будущем может превратиться в основание для новой теории языка». Во исполнение этой задачи автор «стремится восстановить концепцию биологической базы языковой способности и при этом представить свои конкретные положения настолько эксплицитно, чтобы они могли быть подвергнуты эмпирической проверке» (стр. VIII).

Монография Э. Леннеберга сопровождается двумя статьями, которые выполняют определенные функции. Одна из них принадлежит О. Марксу и носит название «История биологической базы языка». Она призвана придать рассматриваемой проблеме историческую перспективу и представляет собой довольно ясный и поверхностный обзор разных точек зрения от фараона Псамметиха до

В. Вундта. По поводу этой статьи можно заметить, что читатель с большим интересом прочел бы о работах, имеющих более непосредственное отношение к проблеме и, в частности, об упоминаемых в предисловии книгах: В. Naunyn, *Die organischen Wurzeln der Lautsprache des Menschen*, München, 1925; C. L. Meader, J. H. Muyskens, *Handbook of biolinguistics*, Toledo, 1950.

Другая статья — «Формальная природа языка» — написана Н. Хомским, концепция которого о порождающих грамматиках в настоящее время находится в центре внимания лингвистов. Собственно о порождающей грамматике говорит Н. Хомский и в данном случае, но излагает ее основные положения в определенном аспекте.

Поскольку рассматривать язык в биологическом плане значит изучать его как лингвистически универсальное явление, постольку явилась потребность теоретически обосновать универсалистский подход. Этой цели и служит статья Н. Хомского, которая излагает также формальные принципы такого подхода к изучению языка, укладывающиеся в теорию порождающих грамматик. Таким образом, статья Н. Хомского представляется в данном случае весьма уместной. Однако следует отметить явную логическую несогласованность между целями изучения в биологической концепции языка и в теории порождающих грамматик. В первом случае изучается биологический механизм, обеспечивающий деятельность языка. Иными словами, когда изучается биологическая база языковой способности, то внимание исследователя направляется на *деятельность* определенного вида, в которой и находит свое воплощение данная способность. А теория порождающих грамматик делает строгое различие между «знанием языка» (knowledge или competence) и «деятельностью» или «использованием» языка (performance или use), и занимается она первым, а не вторым. Говоря словами самого Н. Хомского, «порождающая грамматика не является моделью для говорящего или слушающего. Она стремится охарактеризовать в возможно более нейтральных терминах *знание* языка, которое создает основу для конкретного использования языка слушающим или говорящим»². Таким образом, деятельность языка как таковая (относящаяся к теории использования языка) фактически оказывается вне внимания исследователя. Интересно отметить, что Э. Леннеберг не только не замечает этой

¹ «New directions in the study of language», ed. by E. Lenneberg, Cambridge (Mass.), 1964.

² N. Chomsky, *Aspects of the theory of syntax*, Cambridge (Mass.), 1955, стр. 9.

несогласованности целей, но в главе седьмой пытается обернуть ее в пользу своей теории.

Монография Э. Леннеберга состоит из девяти глав, из которых первые восемь содержат предпосылки для формулирования теоретических выводов, излагаемых в девятой главе.

В первой главе — «Структура концепции» — автор излагает методологические принципы, которые он кладет в основу своего исследования. Очевидно, первое, что необходимо было сделать в этой главе, это — определить объект своего исследования — язык. Э. Леннеберг уклоняется от этого. Он лишь констатирует, что «наше понимание механизма языка все еще бедно. Мы интуитивно не знаем, что из себя представляет язык объективно и каким образом мы общаемся друг с другом. Единственный способ установить, в какой мере экспериментальная модель имеет какое-либо отношение к естественному языку, заключается в проведении исследований природы, структуры и истории естественных языков и затем выяснения того, действительно ли эмпирически определенные принципы, лежащие в основе языка, оказываются представленными в экспериментальных моделях. Отсюда следует, что биологическое исследование языка должно изучать не только организм, который говорит, но и само поведение — язык — совершенно таким же образом, каким зоолог, изучающий барсука, должен изучать не только его физическую структуру, но и его замашки, чтобы получить общую картину этого животного. Именно по этой причине некоторые разделы этой монографии касаются биологического аспекта человека, а другие — биологического аспекта языка» (стр. 3).

Из этой предпосылки следует основной тезис книги, заключающийся в том, что поведение является неотъемлемой частью конституции животного. «Поведение следует рассматривать как неотъемлемую часть органического целого; оно находится в связи со структурой и функцией, при этом одно есть выражение другого... По моему мнению, существуют доказательства того, что поведение обладает той же историей, имеет то же происхождение, как и форма и физиологический процесс. И действительно, разграничение между физиологической функцией и поведенческой функцией есть производное от нашей точки зрения на животное, в то время как эти функции переходят друг в друга и таким образом объективно нераздельны» (стр. 3).

Изложенный символ веры принимает форму своеобразного структурального бихевиоризма, требующего исследования поведения в терминах конкретного биологического вида. Он едва ли будет встречен с симпатией правоверными бихевиристами. Но в концепции Э. Леннебер-

га он выполняет весьма существенную роль, давая возможность установить, почему данный вид обнаруживает поведение, уникальное в животном царстве. В контексте данного исследования он должен дать ответ на вопрос, почему только человек может научиться говорить на естественном языке. С точки зрения указанной взаимосвязи и проводится дальнейшее исследование, но предварительно в данной главе рассматриваются еще некоторые общие вопросы: форма и функция в онтогенезе, поведенческая спецификация и проблема приспособляемости, генетические основания поведения и отношение между формой и поведением. Разбор методологических предпосылок монографии заключается общим выводом, в соответствии с которым «знание одной лишь структуры не может привести к точному формулированию поведенческих моделей (общего образа жизни), но если мы знаем поведенческие модели, мы можем понять и объяснить определенные морфологические специализации» (стр. 27). Применительно к проблеме языка это значит, что язык, как и другие виды поведения, в значительной степени определяется биологическими потенциями. В последующих главах последовательно рассматриваются различные аспекты этого общего методологического принципа.

Глава вторая в сравнительном плане трактует о «Морфологических коррелятах»: периферических анатомических компонентах (лицо, губы, ротовая полость) и о центральной нервной системе. Автор при этом сосредотачивает внимание на спецификациях и инновациях периферической анатомии человека сравнительно с другими приматами. Все они, однако, не объясняют существования языка. «Не представляется возможным приписать той или иной специфической нейроанатомической структуре способность к языку. Вроде, эта способность может быть обусловлена структурными инновациями на мускуляторном уровне. Возможно, язык обуславливается тем специфическим способом, каким разные части мозга осуществляют совместную работу, или, иными словами, свойственной ему функцией» (стр. 72).

Третья глава посвящена «Некоторым физиологическим коррелятам». Здесь рассматриваются дыхания, речеобразование, проблемы, возникающие в связи с темпом движений и порядком моторных действий, и ритм как организующее начало. Эта глава носит наиболее «обзорный» характер, и центральное место здесь, естественно, должно было бы занимать речеобразование. К сожалению, наиболее беден именно этот раздел, достаточно компетентное изложение которого трудно представить себе ныне без учета работ Л. А. Чистович и ее сотрудников. Не

слишком большую долю вносит эта глава и в концепцию Э. Леннеберга. Эта доля сводится к гипотезе, что временные модели, на которых основывается нейромускуляторный автоматизм, своим источником имеют физиологический ритм, состоящий из периодической смены «состояний» со скоростью в 6 ± 1 смен в секунду. Видимо, и сама артикуляция отражает этот основной ритм.

Значительно больший интерес представляет следующая глава «Язык в контексте роста и возраста», — охватывающая широкий круг вопросов.

Глава в основном посвящена поискам ответа на вопрос, почему ребенок начинает говорить на определенной возрастной стадии, а именно между 18 и 28 месяцами. Ответ можно искать либо в изменении окружения ребенка (в частности, в изменении к нему отношения общества и родителей), либо в возрастных изменениях. Э. Леннеберг в своем рассмотрении этого вопроса исходит из предпосылки, что наиболее важные различия между доязыковой и послезыковой фазами развития обуславливаются растущим индивидуумом, а не внешним миром или изменениями стимулов. «Язык не может начинать развиваться пока не будет достигнут определенный уровень физической зрелости» (стр. 158). Затем автор рассматривает отдельные возрастные биохимические и нейрофизиологические изменения и приходит к достаточно осторожному выводу: «Возникновение способности к усвоению языка нельзя приписать непосредственно тому или иному возрастному процессу, изучавшемуся до сих пор. Однако важно знать, каково физическое состояние мозга до, во время и после критического периода усвоения языка. Это является необходимым условием для установления более специфических нервных феноменов, лежащих в основе языкового поведения» (стр. 179).

Еще в предисловии к своей книге Э. Леннеберг указывал на значение систематического изучения патологических явлений (разного вида нейрологических расстройств) для исследования биологической основы языковых способностей. Идея о важности патологии для изучения норм, как известно, восходит к И. П. Павлову. Э. Леннеберг реализует ее в главе пятой — «Нейрологические аспекты речи и языка», — возвращаясь к ней эпизодически в главах седьмой и восьмой.

Вся пятая глава посвящена описанию разного рода афазии и лежащей в ее основе патологии. Можно согласиться с автором, что литература по афазиологии почти безгранична и ее трудно объять, но все же нельзя отделаться от чувства разочарования, когда видишь, что в данном случае фактически остаются неиспользованными чрезвычайно богатые данные для исследования как раз тех вопросов, которыми занимается монография.

В частности, оказались обойденными работы, содержащие лингвистическую интерпретацию явлений афазии (например, известные работы Р. Якобсона)³. Это просто непонятно. Ведь в афазии можно видеть самой природой поставленный грандиозный и безжалостный эксперимент, при котором последовательно выключаются отдельные блоки того механизма, которые обеспечивает языковую деятельность. Это дает возможность делать выводы о деятельности всего механизма в целом и, конечно же, о связях, существующих между многообразными аспектами функционирования языка и биологическими факторами разного порядка. Можно назвать не мало работ, весьма успешно проводящих исследование в этом направлении и приведших к пересмотру клинической практики. В этой связи в первую очередь хочется назвать труды А. Р. Лурия. Но все это прошло мимо внимания Э. Леннеберга. Закljučения по этой главе вполне тривиальны. Впрочем, вполне созвучными новым веяниям, стремящимися представить в терминах точных наук давние естественных и гуманитарных наук, кажутся следующие суммирующие слова: «Представляется полезным думать о нервном сообщении, релевантном речи и языку, как о закодированном во времени сигнале... Внутренний механизм понимается как нейрологический (neurological) аналог автомата, который может быть приведен в действие многообразными стимулами (их источник находится либо вне, либо внутри индивидуума). Механическая точка зрения позволяет ожидать больших ограничений видов операций такого механизма, чем это дает диапазон потенциальных стимулов» (стр. 222—223). Но всегда ли переформулирование в терминах одной науки данных другой науки дает искомый эффект?

Шестая глава рассматривает «язык в свете эволюции и генетики». По поводу этой проблемы было сказано много, но мало что в этом сказанном можно признать хоть сколько-нибудь бесспорным. К этому немногому надо причислить мысль, которую разделяет и автор, что все, что относится к происхождению и эволюции языка, и в том числе биологическая история языка, носит «скрытый» характер. Они скрыты от нас временем и серией структурных и функциональных трансформаций, которые происходили в процессе формирования современного человека. Выводы Э. Леннеберга в сущности представляют вариации на эту малоутешительную тему. Он пишет: «Биологическую историю языка нельзя раскрыть посредством случайных сравнений с ком-

³ Мимолетное упоминание его имени, конечно, нельзя считать за такого рода использование.

муникацией животных, в особенности, если база для сравнения оказывается прагматической или «логической» и проводится оно без учета филогенетических отношений животного к человеку. Сравнение языка с коммуникацией животных вне порядка приматов опасно ввиду явления конвергенции. Реконструкция происхождения языка невозможна, за исключением самых простых констатаций» (стр. 265). К числу такого рода констатаций, видимо, следует отнести утверждение, что «нет ничего небилософского в признании языка уникальным видом поведения в царстве животных; эта уникальность объясняется эволюционным процессом, так же как и генетическим механизмом» (стр. 266).

В лингвистике XIX в. разбираемые в данной главе проблемы были чуть ли не самыми излюбленными, но решались они исключительно умозрительным образом. Затем на них было наложено вето. Но в последнее время они опять всплыли на поверхность и стали предметом совместного изучения лингвистов, биологов, психологов и семиотиков. При этом очень широко стал привлекаться материал, полученный при исследовании «языков» животных. Такое изучение оказалось необходимым в первую очередь ради познания природы или «рабочих возможностей» человеческого языка, что достаточно исчерпывающе можно сделать, лишь выйдя за его пределы. Это изучение обычно проводится пофункционально (наиболее полный набор функций включает эмотивную, фатическую, познавательную, когнитивную, поэтическую и металингвистическую функции). Подобное пофункциональное изучение оказалось перспективным и весьма поколебало правомерность антропоморфического подхода к изучению «языков» животных. Оно показало чрезвычайную важность изучения коммуникативной деятельности в конкретном видовом биологическом контексте. Оно же дает основания для нехитрого заключения, что, например, у дельфинов или обезьян макак, конечно же, нет человеческого языка, но есть своя коммуникативная система, которая набором своих функций значительно отличается от человеческого языка и которую поэтому и не обязательно именовать языком. Тем самым уникальность человеческого языка приобретает статус неоспоримости.

Глава седьмая — «Примитивные стадии в развитии языка» — по замыслу должна отвлечься от биологической базы языка: в ней автор ставит своей задачей выявить регулярности в пределах отдельных стадий развития языка и «стратегию овладения языком» независимо от возрастных особенностей. Автор исходит при этом из предпосылки, что проблемы развития языка невозможно понять без анализа структуры языка, а адекватное

понимание структуры языка в свою очередь следует ставить в зависимость от эмпирических исследований процесса освоения языка. Естественно, при этом возникает вопрос о методологической и методической базе как анализа структуры языка, так и исследований процессов его освоения. Современная лингвистика предлагает в этом отношении богатый выбор. Э. Леннеберг дает краткое описание структуры языка в терминах теории порождающих грамматик Н. Хомского, статья которого, как указывалось, прилагается к монографии. Это — последнее по времени возникновения методическое направление в лингвистике, которое находится пока лишь в процессе становления и поэтому подвергает постоянному пересмотру основные свои положения. Последние пересмотры носят такой характер, что подвергают сомнению саму правомерность использования термина «порождающая грамматика». Выясняется, что порождающая грамматика в действительности никакими порождениями не занимается. Но Э. Леннеберга привлекла, видимо, прокламируемая в теории Н. Хомского строгость определений (хотя фактически в ней многое опирается на интуитивные критерии, вследствие чего она даже начала причислять себя к лагерю менталистов, которых всегда ругали за нестрогость методов) и целеустановка на описание объема «знания» языка. Не следует забывать, что в монографии Э. Леннеберга речь идет о гипотезе (правда, методологического масштаба) и давать в данном случае какие-либо рекомендации значило бы связывать свободу его мысли. Однако объяснительные возможности лингвистической теории, используемые в качестве теоретической основы, конечно, не могут не оказать своего влияния на убедительность гипотезы. Судьбу своей гипотезы Э. Леннеберг самым недвусмысленным образом связал с теорией порождающих грамматик Н. Хомского, и крушение или достаточно основательное переформулирование этой теории (опасность, судя по последним работам Н. Хомского, вполне реальная) означало бы и крушение гипотезы Э. Леннеберга.

Основное место в главе занимает описание (по существующим источникам) развития языка у здорового ребенка и у дефективных детей. Здесь мимоходом следует отметить, что само такое раздельное описание (особенно во втором случае) все же не позволяет оторваться от биологической базы языка (что, разумеется, не следует рассматривать как упрек автору, учитывая задачи его монографии). Эта привязанность дает себя знать и в выводах.

Э. Леннеберг выдвигает гипотезу, что в механизме языка мы обнаруживаем естественное расширение самого общего принципа организации поведения, ко-

торое биологически приспособляется к высшей степени специфической эволюционной функции. Автор при этом широко пользуется заимствованным у Н. Хомского термином «трансформация», наполняя его, однако, биологическим содержанием. «Трансформационный принцип в языке, — шипет он, — очевидно, следует идентифицировать с познавательными принципами, лежащими в основе способности к категоризации как моделей окружения, так и моделей, которые производят наши собственные движения» (стр. 325). Для теории Э. Леннеберга, пожалуй, наиболее важным в трансформационном принципе является утверждение, что восприятие тождеств и отношений в процессе познания зависит от способности организма к трансформациям, а эта способность лимитируется биологически. Применительно к конкретным уровням структуры языка это положение звучит так: «Трансформации грамматики суть биологические специализированные трансформации, приложимые к акустическим моделям, которые у человека выполняют коммуникативную функцию. Этот тип трансформационной способности представляет чисто биологическую данность, но конкретные трансформации, имеющие место в том или ином языке, суть одни из бесконечного множества возможных» (стр. 325—326). Надо сказать, что для многих правоверных представителей порождающих грамматик (например, для создателя порождающей аппликативной модели — С. К. Шаумяна⁴), определяющих трансформационный механизм языка как автоматическое устройство, который из конечного количества собственно языковых единиц и правил создает бесконечное количество предложений, подобные представления покажутся шокирующими. По самой своей природе «биологически специализированные трансформации» в сущности не допускают использования логического формального аппарата. А если же заниматься конкретными языковыми трансформациями, то в силу того, что их бесконечное множество, их биологическая основа оказывается нерелевантной — для лингвиста во всяком случае. В этой концепции имеется изъян и более общего характера — она полностью исключает влияние конкретной структуры языка, вследствие чего делается непонятным, почему в одном языке имеют место трансформации одного порядка, а в другом — другого. И, наконец, она совершенно игнорирует семантику, которая во многих случаях определяет использование грамматических средств и строй предложения в целом (так же, как и его трансформации).

В восьмой главе — «Язык и познание» — Э. Леннебергу есть что сказать

от себя, так как ему (в сотрудничестве с Дж. М. Робертсом) принадлежит небольшая по объему, но интересная и по экспериментальной методике и по аргументированным выводам монография «Язык опыта: исследование в области методологии»⁵.

Для лингвиста тема настоящей главы представляет особый интерес, так как проблема взаимоотношения языка и познания по сути дела является центральной в науке о языке. Но Э. Леннеберг намеренно сужает эту тему, подчиняя ее целям своей монографии. С самого начала он предупреждает, что эту проблему он будет рассматривать лишь в аспекте референтности, т. е. отношений, существующих между словом и вещью, и с учетом роли нашей способности к наименованию в организации человеческого познания — по Леннебергу, эта способность обладает биологическими измерениями. Разумеется, автор имел все права пойти на такого рода сужение проблемы, но это сужение отнюдь не способствует адекватному ее решению. В сущности, главное понятие, с которым Э. Леннебергу приходится иметь дело в данной главе, есть значение. Но в лингвистике давно уже отказались от попыток определить его через посредство лишь двух факторов — слова и вещи. Выяснилось, что лингвистическое значение чрезвычайно сложной природы и что в его формировании принимают участие многие силы. В частности, не последнюю роль играют семиотические закономерности взаимоотношений знаков, имеющие сугубо формальный характер и едва ли обнаруживающие какую-либо связь с биологической основой функционирования языка.

Каким же образом решает эту проблему Э. Леннеберг? Он создает биологическую концепцию семантики. В основе этой концепции лежит идея о том, что деятельность наименования или употребления слов (отметим, что это все же совершенно различные вещи) есть специфически человеческая способность делать эксплицитным процесс организации сенсорных данных. Большинство животных организуют сенсорный мир посредством процесса категоризации: на его основе строятся два других процесса — дифференциация или дискриминация и трансформация. У человека эта организующая деятельность обычно именуется образованием понятий (почему категоризацию и образование понятий следует

⁵ E. H. Lenneberg, J. M. Roberts, The language of experience: A study in methodology, Baltimore, 1956. (Некоторые коррективы см. в статье: E. H. Lenneberg, Color naming, color recognition, color discrimination: a re-appraisal, «Perceptual and motor skills», 1961).

⁴ См. его книгу «Структурная лингвистика», М., 1965.

рассматривать как синонимические обозначения). В результате соединения понятия со словом (процесс наименования) возникает якобы эффект лингвистического значения. Этот процесс носит динамический характер, так как слова являются ярлыками не для «готовых» понятий, а обозначают категоризационный процесс или семейство таких процессов, слова прикрепляются к процессам, посредством которых данный вид познает окружение. «Несущие значения элементы языка обозначают не конкретные объекты (имена собственные представляют особый случай) и, строго говоря, даже не инвариантные классы объектов. Повидимому, они обозначают познавательные процессы, т. е. акты категоризации или формирования понятий» (стр. 365). Биологический фактор проявляется здесь в том, что процесс формирования понятий до известной степени регулируется биологическими детерминантами. Конкретнее говоря, на физиологические процессы, определяющие познавательные способности вида, накладываются определенные биологические ограничения.

Остальная часть главы отведена главным образом описанию опыта, о котором рассказывается в упомянутой выше монографии Э. Леннеберга и Робертса. Данные этого опыта дают возможность формулировать вывод, который разделяется ныне многими исследователями и который направлен против утверждений гипотезы Сепира — Уорфа. «Процессы познания, — пишет Э. Леннеберг, — в основном независимы от особенностей естественных языков». Более спорна вторая часть этого вывода: «До известной степени сознание фактически может развиваться даже и при отсутствии языка» (стр. 364). Помимо всего прочего, глухота (в главе приводятся данные о глухих детях), так же как и немота, о которых говорится в этой связи, не означает еще отсутствие языка, но лишь преобразования его в иные формы.

Относительно главной идеи настоящей главы можно было бы сказать многое, но самое существенное сводится к тому, что она имеет дело лишь с генезисом значения, в то время как для целей монографии гораздо важнее функциональный подход, сосредотачивающий внимание на условиях пользования значением. Динамизм значения при функциональном подходе будет тогда истолковываться как незатухающие силы, обуславливающие становление все новых и новых значений. При исключительно же генетическом подходе остается неясным, как вообще может «работать» язык, не имеющий ничего постоянного. В цели рассуждения Э. Леннеберга это гипотетическое «звено», очевидно, следует признать самым слабым. Кстати говоря, в этом генетическом подходе опускается вопрос о стимулах процесса наименования.

С самого начала ясно, что при его рассмотрении никак нельзя замыкаться биологическими рамками, так как они никак не объясняют того многообразия направлений наименований, с которыми мы сталкиваемся в конкретных языках.

Собрав воедино частные гипотезы отдельных предшествующих глав, Э. Леннеберг в заключительной девятой главе — «К биологической теории развития языка» — транспонирует по ним свою фундаментальную общую гипотезу. Для ее изложения можно воспользоваться кратким резюме, любезно составленным самим автором.

Сначала он перечисляет пять общих, эмпирически верифицируемых биологических предпосылок своей теории (стр. 371—374). Коротко говоря, они сводятся к следующему: 1) познавательная функция специфична для каждого вида; 2) специфические особенности познавательной функции повторяются у каждого члена данного вида; 3) познавательные процессы и способности постоянно дифференцируются с возрастом; 4) при рождении человек относительно несовершенен, определенные аспекты его поведения и познавательная функция возникают позднее в детском возрасте; 5) определенные социальные феномены среди животных возникают посредством спонтанной адаптации поведения растущего индивида к поведению других индивидов вокруг него.

А вот и сама теория. Язык есть манифестация специфичных видовых познавательных предрасположений, которые обуславливаются биологически. Хотя между языком и познавательной функцией существует отношение зависимости, вторая образует более важный и первичный процесс. Познавательная функция, лежащая в основе языка, заключается в адаптации вездесущего процесса категоризации и установления тождеств. Слова выступают как ярлыки процессов категоризации. Известные специализации периферичной анатомии и физиологии обуславливают некоторые универсальные признаки естественных языков, но описание этих человеческих особенностей не объясняет филогенетического развития языка. В течение эволюционной истории видовых формы функции и поведение взаимоприспосабливаются, но не один из этих аспектов нельзя толковать как «причину» другого. Биологические особенности человеческой формы познания устанавливают строгие границы возможного варьирования естественных языков. Формы и виды категоризации являются мощными факторами, определяющими конкретный тип формы языка. Впрочем, в пределах этих границ возможно бесконечное количество вариаций. Таким образом, внешняя форма языков может варьироваться с относительно большой свободой, в то время как лежа-

щий в основе тип остается постоянным.

Познавательные процессы создают потенциал для языка. Хотя известные внешние условия (environment) способствуют возникновению языка, именно возрастная зрелость (maturity) приводит познавательные процессы в состояние, которое можно назвать готовностью к языку. Готовность к языку есть состояние латентной языковой структуры: развертывание языка есть процесс актуализации, в котором латентная структура трансформируется в реализованную структуру. Однако не следует рассматривать биологические возрастные изменения как прямую причину развития языка. Возрастную зрелость надо представлять как пересечение в высшей степени неустойчивых состояний, когда нарушение равновесия одного состояния приводит к общей перестановке, которая приводит к нарушению равновесия других состояний, и так далее, пока не достигается относительная стабильность. Готовность к языку есть пример такого состояния нарушенного равновесия, во время которого разум создает некое место, которое будет заполнено строительным блоком языка. Состояние готовности к языку лимитируется возрастными пределами и начинается около двух лет и заканчивается около 10—13 лет, когда познавательные процессы получают четкую структуру и способность к первичному языковому синтезу теряется.

Одним из краеугольных камней теории является понятие редупликативности (replication). Именно она обуславливает единство языкового потенциала и латентной структуры, или, иными словами, наличие универсальной грамматики, общей для всех людей. Редупликативность обеспечивает качество универсальности и делает возможным трансформацию латентной структуры в реализованную. Затем вводится понятие внутренней формы, которая, по видимому, тождественна латентной структуре. Так как она всегда идентична, каждый ребенок с одинаковой легкостью может осваивать язык. Реализованная структура, или внешняя форма языка, окружающая подрастающего ребенка, служит моделью для реализации структуры у ребенка. Социальная среда в этом случае играет роль внешнего толчка, приводящего в действие процесс трансформации структур. Таким образом, сохранение и распространение языкового поведения у вида сопоставимо с культурной традицией, которая передается от поколения к поколению. Индивид выступает не как простое орудие или канал для передачи информации, он — автономная единица, имеющая такую же конституцию, как и другие единицы вокруг него, и такие же нормы поведения, как и эти последние. Его поведение активизируется социальными контактами, но функционировать

он может лишь при условии синтезирования для себя языкового механизма. А эта последняя способность относится уже к естественной истории его развития. Впрочем эта естественная история допускает варьирование. Фактически здесь существуют два уровня, релевантных для языка: один относится к формации латентной структуры, а другой — к процессу актуализации, трансформирующему латентную структуру в реализованную. Первый связан с вариациями в операциях познавательных процессов или в возрастных изменениях; второй связан с вариациями в периферической функции и в таких структурах, как речевой тракт или ухо. Вариации этих двух уровней объясняют главные факты языкового постоянства, языкового изменения и лингвистических универсалей.

Такова в кратких чертах теория Э. Леннеберга. От всякой теории ныне требуют «объяснительной силы». Касаясь этого вопроса, автор характеризует свою теорию языкового развития как интерпретирующий комментарий доступных наблюдению фактов. Выше уже приводились частные замечания по поводу выводов отдельных глав, по которым экстраполируется теория (или гипотеза?); остается сказать несколько слов о книге в целом.

Монография Э. Леннеберга обобщает и «интерпретирует» огромный материал — в этом ее достоинство и недостаток. Достоинства очевидны, а недостатки обуславливаются тем обстоятельством, что, формулируя свою теорию в чрезвычайно широком контексте, автор все же, конечно, не мог привлечь всех возможных материалов и неизбежно должен был пойти на какой-то отбор. Всякий же отбор связан с субъективизмом, опускающим иногда весьма существенные данные, что, как указывалось выше, действительно в ряде случаев имеет место.

Принципиальное значение в науке о языке имеет разграничение между языком и речью, каким бы различным образом они не определялись. Пожалуй, наибольший методический просчет монографии Э. Леннеберга заключается как раз в том, что он не проводит такого разграничения. Язык и речь довольно свободно чередуются у него друг с другом и свободно замещают друг друга. В неявной форме это разграничение, конечно, присутствует: оно просто не может не присутствовать. Однако выводы, сделанные применительно к языку (например, в главе о взаимоотношениях языка и познания), переносятся на речь, и наоборот (например, на стр. 127—142 в разделе о возникновении языка и речи фактически имеется в виду только речь). К этому следует добавить и употребление таких выражений, как «языковое поведение», «механизм языка», «речеобразование», «языковая способность», «готовность к языку», «речевая деятельность» и пр., ко-

торые еще более запутывают изложение.

Теория Э. Леннеберга покоится на «интерпретации доступных наблюдению фактов», а эта интерпретация может быть той или другой, укладываясь при этом в рамки правдоподобности. Поэтому можно предположить и иные зависимости между биологическими предпосылками и действительностью общения посредством языка, — что в сущности и составляет главное содержание монографии, — чем те, которые в ней даются. По Леннебергу, занятому построением биологической концепции языка, в конечном счете именно биологические предпосылки, имеющие у человека уникальный характер, являются определяющими в данной зависимости, хотя и не прямо, а через посредство познавательной функции. Они (совместно с познавательной функцией) создают латентную структуру, которой не остается другого выбора, как под влиянием социальных стимулов актуализироваться в реализованную структуру, в результате чего только и происходит становление языка. Не будет социального стимула — не будет и языка. Уже и по изложенным соображениям следует по меньшей мере признать двойную зависимость языка и равно ответственный статус как биологических, так и социальных факторов. Но этого мало. Хотя рассмотрение проблемы в монографии Э. Леннеберга осуществляется по преимуществу в онтогенетическом аспекте, не может не возникнуть вопроса о том, каким образом и под влиянием каких факторов возникла у человека уникальная способность к языку, и в этом случае вполне возможно говорить о направляющем влиянии на развитие этой способности социальной среды (environment). Кстати говоря, и тезис о редупликативности, который сам Э. Леннеберг рекомендует как краеугольный в своей теории, легко переложить на социальную партитуру, и в истории языкознания можно найти немало примеров именно социального истолкования этой категории.

По всей видимости Э. Леннеберг безоговорочно принимает теорию порождающих грамматик Н. Хомского, хотя, как уже указывалось, логически это не очень оправданно. Во всяком случае, напрашивается сам по себе параллелизм ряда исходных принципов и категорий обеих теорий. Так, Н. Хомский, проводя разграничение между «знанием» языка и «деятельностью» языка, говорит о взаимопроникновении этих категорий. Э. Леннеберг в качестве методической предпо-

сылки использует положение, в соответствии с которым поведение следует рассматривать как неотъемлемую часть органического целого, причем одно есть выражение другого. Н. Хомский выделяет в языке «глубинную структуру» (deep structure) и «поверхностную структуру» (surface structure), называя иногда первую внутренней формой языка, а вторую внешней формой. Э. Леннеберг говорит о латентной структуре и о реализованной структуре, которые также соответственно именуются внутренней и внешней формой. Оба автора с одинаковым рвением занимаются и поисками лингвистических универсалий. Во всем этом, разумеется, нет ничего дурного, если не очень слепо следовать за принятыми образцами и руководствоваться все же своими целями, а не целями этих образцов. Ведь хотя и у Н. Хомского и у Э. Леннеберга один и тот же предмет изучения — язык, говорят они все же о разных вещах. У Н. Хомского все его категории — заведомо языковые, а у Э. Леннеберга все находится на языковом уровне и только с реализованной структурой мы вступаем в область языка как такового. Нет надобности говорить много о том, к каким последствиям приводит пользование одним и тем же лексиконом, когда говорящие на нем наполняют его разным содержанием.

Заключая рассмотрение монографии Э. Леннеберга, вполне можно согласиться с ним, что она — шаг в сторону построения биологической теории языка. Сделав с автором этот шаг, нельзя не задать вопросом, стоит ли делать и следующие шаги в этом направлении? Безусловно, стоит. Не обязательно, конечно, при этом идти в ногу с Э. Леннебергом. Важно уделять больше внимания не столько интерпретации известных фактов, сколько поискам новых. Язык — чрезвычайно многостороннее явление, и исследователи его только выигрывают от того, что наряду с другими подходами будет использован и тот, который предлагается в данной книге.

Вне всякого сомнения, монография Э. Леннеберга привлечет внимание представителей разных наук, и следует полагать, что каждый из них не только найдет что прибавить от себя, но и сочтет необходимым вновь подумать над уже усвоенными представлениями. Нужно отметить под конец, что построение и изложение книги очень ясно и легко обозримо.

В. А. Звегинцев